

«Обаятельный, вальяжный, выдумщик»

*Известия - 2005 - 26 апр. -
с. 14.*

Ушел из жизни Аркадий Вайнер. Написанные им в соавторстве с младшим братом Георгием книги мгновенно становились бестселлерами, а «Гонки по вертикали» и «Визит к Минотавру» еще и экранизированы. Но самым легендарным произведением братьев стала «Эра милосердия», ставшая основой фильма «Место встречи изменить нельзя». Аркадия Вайнера вспоминают актеры, сыгравшие главные роли в фильмах по его книгам.

актер Валентин Гафт:

«Его было сложно перебить»

Он производил впечатление человека, любящего жизнь. Широкий, вальяжный, выдумщик, доброжелательный, умный, обаятельный. Мог бы еще жить и жить. Я помню одну встречу — за столом был он, его жена, дочка. Он любил разговаривать, его было очень сложно перебить — у него речь, как нескончаемая волна. Я снимался в двух его фильмах «Гонки по вертикали» и «Визит к Минотавру». Мне было комфортно играть его персонажей — у них есть свой язык, острое поведение, интересные ситуации. Мне кажется, что это мои удачные роли. Наш народ любит детективы, и это было очень близко и узнаваемо. Что же касается фильма «Место встречи изменить нельзя», то мне кажется, что это лучшая работа братьев Вайнеров и в

кино, и в литературе. Поэтому картина живет долго — она совпадает с нашей жизнью, с нашими отечественными типами. Там есть и патриотизм, о котором так много говорят, и ненавязчивость.

актер Владимир Конкин:

**«Он смирился с тем,
что Шарапов именно такой»**

Наверное, он когда-то кричал, выяснял отношения, но я всегда помню Аркадия с его улыбкой. Это не улыбка Чеширского кота, но она всегда была очень мила. Он не всегда соглашался с кем-то, чем-то, но был достаточно деликатен. Я его очень уважал и любил. По сравнению с современными детективами его книги были умнее, тоньше и милосерднее. Когда мы вместе работали над фильмом «Место встречи изменить нельзя», мы подспудно верили, что добро побеждает зло. С ним было тепло. Его врожденная сердечность заставляет меня думать, что я в очередной раз осиротел. Мы никогда не объяснялись друг другу ни в дружбе, ни в товариществе, но между нами было удивительное расположение. Он мог не соглашаться с моей трактовкой, но смирился с тем, что Шарапов — именно такой в исполнении Конкина. Наши отношения не испорчены ничем. Он был большой жизнелюб и оптимист, отчасти эпикуреец, но та человечность, которая в нем была заложена, она при всех жизненных испытаниях его не оставляла.